

К вопросу о бунинской концепции человека и природы

Автор выдвигает гипотезу о возможности связывать натурфилософский контекст творчества писателя с древнерусским язычеством, культурным источником, который особенно интересовал русского писателя. В статье анализируются три программных произведения А. Бунина, разных по времени создания, жанру и тематической реализации: человек и природа («Листопад»), человек и история («Деревня»), человек и бытие («Жизнь Арсеньева»). Утверждается, что писатель путём непрерывного художественного углубления в проблему, в её природный, социально-исторический и экзистенциальный срезы, демонстрирует своеобразную художественную парадигму общности процессов развития «человека и природы». Бунинский пейзаж отражает не только национальное своеобразие русского мышления, но и содержит в себе тайну бытия.

Ключевые слова: Бунин, человек и природа, «Листопад», «Деревня», «Жизнь Арсеньева», натурфилософская художественная парадигма.

Постановка научной проблемы и её значение. Иван Алексеевич Бунин по праву считается мастером пейзажной живописи. И в истории русской литературы, пожалуй, трудно найти другого писателя, в творчестве которого природа занимает такое доминирующее место. Вопрос общности процессов развития «человека и природы» в творчестве Ивана Бунина в науке недостаточно исследован. А между тем, пейзаж в его текстах обладает принципиальной полифункциональностью – он отражает не только национальное своеобразие русского мышления, но и содержит в себе тайну бытия, поразительное сочетание ненужности и в то же время значительности всего земного.

Анализ исследований по этой проблеме. Ю. И. Айхенвальд, анализируя поэзию и прозу Бунина, поставил в укор писателю чрезмерное использование деталей, мотивируя это тем, что «тонкие приметы» природы «иногда затуманивают ее великий общий лес отдельными тщательно изображенными деревьями» [1, с. 131]. Но современные литературоведы по данному вопросу располагают совсем иным мнением, считая именно эту черту бунинского стиля новаторской, делающей произведения писателя уникальными. Л. В. Крутикова в академической «Истории русской литературы» [6, с. 635–666] отмечает, что творчество И. Бунина характеризуется предельным вниманием к изображению природного мира и определению места в нем человека. Г. Ю. Карпенко в своей монографии «Творчество И. А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков» [5] рассматривает бунинскую концепцию человека и мира в аспекте научных, философских и религиозных идей. О. В. Сливицкая исследует в творчестве Бунина характер отношений между человеком и космосом и отмечает, что модель художественной вселенной Ивана Бунина близка к той, которую русские космисты называли «антропокосмизмом» [8, с. 5–33]. Работы Л. В. Крутиковой, Г. Ю. Карпенко и О. В. Сливицкой, главным образом, посвящены аналитической стороне жизни человека и природы в аспекте философских и религиозных идей, отражающихся в творчестве Ивана Бунина. Эти работы дают нам достаточные доводы считать, что особо значительную ценность для науки о литературе имеет исследование в творчестве Бунина вопроса об отношениях между человеком и природой. Вне поля зрения учёных остаётся немало вопросов, к которым следует подходить с новейшими литературными концепциями, в разносторонних аспектах.

Цель и задачи статьи. В данной статье автор стремится выяснить культурный источник бунинского мировосприятия, именно в древнерусском язычестве. Анализируя три программных произведения, разных по времени создания, жанру и тематической реализации: «человек и природа» («Листопад»), «человек и история» («Деревня»), «человек и бытие» («Жизнь Арсеньева»), автор намерен раскрыть разную степень общности процессов развития природы и человека, показать своеобразные бунинские художественные решения.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Близкое отношение к природе, присущее русским писателям, глубоко укореняется в древнерусской культуре язычества. Для древних людей язычество было своеобразным мышлением, согласно которому вся природа и её силы имели божественное происхождение. Земля в древнерусской мифологии – это Мать Сыра Земля, она представлялась воображению язычника, обожествлявшего

природу, живым человекоподобным существом. Травы, цветы, кустарники, деревья казались ему ее пышными волосами; каменные скалы признавал он за кости; цепкие корни деревьев заменяли жилы; кровью земли была сочившаяся из ее недр вода. И языческие народы обоготворяли водную стихию как неиссякаемый источник жизни, как вечно живой родник, при помощи которого оплодотворялась другая великая стихия – земля. Одно из наследств старины – вера в родники и почтение к ним как к хранителям таинственных целебных сил. За реками сохранились, в виде легенд, следы олицетворения их как живых существ богатырского склада. В древней Руси славяне, живущие в лесах, относились к деревьям с большим почтением, наделяя почти каждое сверхъестественными свойствами. В их памяти сохранилось сказание о дубах, берёзах и других растениях, которые существовали еще до сотворения мира [7, с. 142–172]. Таким образом, в древней Руси природные пространства почитались как священные, дающие пищу и воду. И поклонение духам земли, лесов, рек и озер, деревьев оставалось до современности. Древняя культура создала национальное мировосприятие и чувство одухотворённого жизненного пространства-окружения, определила своеобразное национальное мышление, свойственный русской душе особый союз с природой. Русская душа всегда ощущает связь с меняющимся природным ритмом жизни и бескрайним ощущением пространства.

Природа неотъемлема от духовной жизни русской нации. В русской литературе поле, заповедная степь, луга, дороги, плавная река всегда передают ощущение воли, красоты и бесконечности жизни. В лирическом творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, Л. Н. Толстого всегда мы находим отзвук природной гармонии. У русского философа Н. А. Бердяева есть толкование проблемы «человек и космос»: «Космос, космическое в художественном и философском сознании чаще всего представлялись воплощением беспредельного, абсолютного, недоступного ограниченному человеческому пониманию, являлись предметом глубокой медитации, высокого восхищения, смешанного с трепетом перед бездной бытия» [2, с. 26].

В художественном мире И. А. Бунина всё в природе до боли родное, близкое сердцу – и лес, и колосистые поля, и прозрачная синева неба над ними, и светящиеся по краям полей белые берёзы. Пейзажные описания рассматриваются как значительная часть художественного пространства бунинской прозы, моделирующая картину мира и отражающая авторское мировосприятие. Тонкая лирическая картина, как и у Тютчева, выражает вечную и неповторимую красоту явления, творимого живой жизнью природы: «пройдут века – так же будут, в вечном строе, течь и искриться река и поля дышать на зное» [9, с. 218]. Особенное восприятие тепла, света, радости и обоюдного счастья человека и природы создаёт их духовное родство в единой гармонии. В раннем программном стихотворении «Листопад» (1901) художник через очеловеченный образ осени приоткрывает мир внутренней жизни природы, наполненный радостью, страданием и болью. Используя разнообразные краски и контрасты – «лиловый терем», «серебро паутины», «янтарный отблеск листвы», «светлая, солнечная поляна», Бунин создаёт великолепный образ осеннего леса. Стихотворение насыщено сравнениями – «мотылёк... точно белый лепесток», «...ткани блестят, точно сеть из серебра», метафорами – «среди широкого двора», «пёстрый терем», олицетворениями – «Осень... вступает в терем свой», метафорами-олицетворениями – «дымы встают столбами», эпитетами – «тихая вдова», «мёртвое молчание», «морозное серебро». Эпитеты и метафоры цвета, звука, запаха раскрывают стихию животворения осенней поры в движении, переливах света, в оттенках зелени и злаков, звучании леса. Бунин старается постигать разум, голос, язык и великую тайну природы, проникаясь её несказанным исцеляющим и хранящим душу человека воздействием.

Пейзажные стихотворения и проза раннего периода творчества определили мироощущение и эстетическую ориентацию Бунина. После своеобразного искания общности процессов развития «человека и природы» в дальнейшем художественном творчестве Бунин развёртывает тему «человек и природа» в историческом, общественном и экзистенциальном срезе.

Судьба России и русской деревни на рубеже XIX–XX веков не могла оставить писателя в покое. Повесть «Деревня» (1911), в которой Бунин пытался как можно шире обозреть русскую жизнь, насыщена историческими событиями периода первой русской революции. Бурлит многоголосая мужицкая сходка, разносятся невероятные слухи, пылают помещичьи усадьбы, отчаянно гуляет беднота. Исторические события в «Деревне» вносят разлад и смятение в души людей, нарушают естественные человеческие связи, искажают вековые нравственные понятия. Солдат, знающий о связи Тихона Красова с его женой, униженно просит хозяина не выгонять его со службы, зверски

избивая свою жену молодую. Весь свой век ищет правду поэт-самоучка Кузьма Красов, мучительно переживая бессмысленное и жестокое поведение мужиков. Слитность значительных событий времени, всего уклада русской жизни с историей, с поведением и умонастроением народа делает «Деревню» эпохальным произведением.

В повести Бунин создал образ крестьянина нового типа, появившегося на рубеже XIX–XX веков в результате разрушения дворянской усадебной экономики и аграрной реформы в русской деревне. Тихон Красов – кулак, крестьянин по происхождению, не отказываясь от своего родства, увиден писателем в момент отпадения его от своего социума. Это человек активный, предприимчивый и расчётливый, «неутомимо скупал у помещиков хлеб на корню, снимал за бесценок землю» [3, с. 49]. Его отношение к земле отличается от традиционного мужика: он ястребом следил «за каждой пядью земли» [3, с. 49], и «как только заговорили об отчуждении земель» [3, с. 60], он страшно озлобился. Тихон не желал расстаться с тем, что приносило ему доход. Таким образом, он взял дурновское именьице, и «чуть не вся Дурновка состояла из Красовых» [3, с. 49]. В конце повести Тихон планирует для себя и брата новый жизненный путь: покинуть деревню и уехать в город, представляющийся знаком новой цивилизованной среды обитания.

В историческом и социальном перевороте жизнь деревни становится безотрадной картиной, которую рисует Бунин; настрой мужика становится безотрадным, даже в моменты наивысшего подъема общественной борьбы; безотрадны и перспективы будущего среди этих мертвых полей, перекрытых свинцовыми тучами. И такая деревня оценена героем как Россия и оценена недоброжелательно: «Да она вся – деревня, на носу заруби себе это! Глянь кругом-то: город это, по-твоему? Стадо каждый день по улицам прет – от пыли соседа не видать... А ты “город”» [3, с. 99–100]. Мрак и грязь – и в физической, и в умственной, и в нравственной жизни, – вот всё, что видит Бунин в деревне на рубеже XIX–XX веков. «Это нелепое и страшное дело совершено было с беспощадной жестокостью, но без веры, без твердости. Да у них и ни во что нет веры», «всё линяет-с» [3, с. 75] и «всё выродилось» [3, с. 94]. И природа в деревне была окрашена серым цветом: «серые замашные рубахи», «серые окна», «серый снег», «серые мерзлые лубки», и утро было «серым». Даже персонаж повести получил имя «Серого», семья которого жила в почти «зверином жилье». В повести «умирающая деревня», «отпадение человека», «социальный поворот» восприняты и зафиксированы Буниным в колорите «серой природы», что передаёт своеобразный художественный приём Бунина в отражении общности процессов развития «человека и природы» в социальном срезе.

Экзистенциальное философское осмысление проблемы «человек и бытие» ярко выражено в романе «Жизнь Арсеньева» (1927–1933). Здесь жизнь главного героя с самого рождения тесно сплетается с ощущением природы, душа его изначально знает о своей единственности, тайной связи с небом и землей, с космосом: «Я родился во вселенной, в бесконечности времени и пространства...» [4, с. 307]. С переходом из детства в юность и зрелость такое ощущение усиливается. Душа Арсеньева всегда ведёт диалог с ночными звездами, с синим небом, и жизнь его протекает как непрерывный процесс духовного обогащения. В результате соприкосновения души Арсеньева с природой и окружающей действительностью в глубине подсознания героя пробуждается то, что раньше не было осознано в должной мере. «Удивителен весенний расцвет дерева. А как он удивителен, если весна дружная, счастливая! Тогда то незримое, что неустанно идёт в нём, проявляется, делается зримым особенно чудесно. Взглянув на дерево однажды утром, поражаешься обилию почек, покрывших его за ночь. А еще через некий срок внезапно лопаются почки – и чёрный узор сучьев сразу осыпают несметные ярко-зелёные мушки... Нечто подобное произошло и со мной в то время» [4, с. 167–168]. Таким образом, и внешне, и внутренне резко изменившаяся жизнь юного Арсеньева тесно переплетается с природой.

Природа и утешила Арсеньева в жизненной горести, в смертельном ужасе. Смерть младшей сестры Нади, которую Арсеньев видел воочию, из-за которой впервые в жизни пережил большой страх, почти лишила его чувства жизни. Мальчик отрешился от жизни дома и замкнулся в своём сказочно-святом мире, упиваясь своими скорбными радостями, жадной страданий. Однако, когда настала весна, в доме распахнули летние стекла на волю, на свободу, навстречу новой, молодой жизни, и «в комнатах запахло свежим и нежным полевым воздухом, землей, её мягкой сыростью, послышался важный и томный крик уже давно прилетевших грачей... И опять, опять ласково и настойчиво потянула меня в свои материнские объятия вечно обманывающая нас земля...» [4, с. 123]. По мере развития сюжета романа перед читателями развёртывается идея соприкосновения человека

с природой, расширяет границы оформление личности, мироощущения и внутреннего чувства человека. При этом природа-космос и бытие человека выступают не столько как параллельно и независимо существующие ряды, сколько как нераздельное диалектическое единство, предполагающее их самостоятельность, и взаимообогащение.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. С. Л. Франк так охарактеризовал русское мышление: «Опыт означает для русского в конечном счете то, что понимается под жизненным опытом. Что-то “узнать” означает приобщиться к чему-либо посредством внутреннего осознания и сопереживания, постичь что-либо внутреннее и обладать этим во всей полноте его жизненных проявлений. В данном случае опыт означает, следуя логике, не внешнее познание предмета, как это происходит посредством чувственного восприятия, а освоение человеческим духом полной действительности самого предмета в его живой целостности» [10]. С типично русской душой, русским мышлением, которое глубоко укореняется в древней культуре, Бунин внутренне постигает природу, сопереживает с ней в абсолютной полноте.

Человек и природа – две константы бунинского художественного мира, их соотношение во многом определяет тематику творчества писателя. В своих произведениях, разных по времени создания, жанру и тематической реализации: «человек и природа», «человек и история», «человек и бытие», Бунин демонстрирует разную степень общности процессов развития «человека и природы» в соответствии с типично русской натурфилософией. Писатель путём непрерывного художественного углубления в проблему, в её природный, социально-исторический и экзистенциальный срезы, демонстрирует своеобразие, богатство и разнообразие художественной парадигмы общности процессов развития «человека и природы». Духовное устремление творчества Ивана Бунина к вечной и животворящей красоте бытия в полной мере одаривает современных читателей таинственным ощущением единства со всем сущим в природе.

Источники и литература

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей : в 2-х т. – Т. 2 / Ю. И. Айхенвальд. – М. : ТЕРРА Книжный клуб, 1998. – 288 с.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 446 с.
3. Бунин И. А. Деревня : повести и рассказы / И. А. Бунин ; вступ. ст. Л. Крутиковой. – М. : Худож. лит., 1981. – 319 с.
4. Бунин И. А. Суходол. Жизнь Арсеньева. Рассказы / И. А. Бунин ; вступ. ст. Л. Крутиковой. – Воронеж : Центр, Черноземное кн. изд-во, 1978. – 479 с.
5. Карпенко Г. Ю. Творчество И. А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков / Г. Ю. Карпенко. – Самара : Изд-во Самар. гуманит. акад., 1998. – 221 с.
6. Крутикова Л. В. Иван Бунин / Л. В. Крутикова // История русской литературы : в 4-х т. – Т. 4 : Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917) / Л. В. Крутикова. – Л. : Наука, 1983. – 784 с.
7. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Академ. проект, 2015. – 806 с.
8. Сливницкая О. В. Космос и душа человека (О психологизме позднего Бунина) / О. В. Сливницкая // Царственная свобода. О творчестве И. А. Бунина : межвуз. сборник науч. тр. к 125-летию со дня рождения писателя. – Воронеж : Квадрат, 1995.
9. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений в стихах и прозе / Ф. И. Тютчев ; сост., пред., статьи, примеч. В. Кожина. – М. : Вече, 2000. – 496 с.
10. Франк С. Л. Русское мировоззрение [Электронный ресурс] / С. Л. Франк. – Режим доступа : <http://www.russiantheory.ru>

Є Лінь. До питання про бунінську концепцію людини та природи. Автор висуває гіпотезу про можливість пов'язувати натурфілософський контекст творчості письменника з давньоруським язичництвом – культурним джерелом, яке особливо цікавило російського письменника. У статті проаналізовано три програмні твори А. Бунина, різних за часом створення, жанром і тематичною реалізацією: людина та природа («Листопад»), людина й історія («Село»), людина й буття («Життя Арсеньева»). Стверджується, що письменник через безперервне художнє заглиблення в проблему, у її природний, соціально-історичний та екзистенціальний зрізи демонструє своєрідну художню парадигму спільного процесу розвитку «людини й природи». Бунінський пейзаж відображає не лише національну своєрідність російського мислення, а й приховує в собі таємницю буття.

Ключові слова: Бунін, людина та природа, «Листопад», «Село», «Життя Арсеньева», натурфілософська художня парадигма.

Ye Lin. An Inquiry Into Bunin's Concept of Man and Nature. In this paper the author hypothesize that Bunin's creation background of nature philosophy is connected with Russian ancient polytheism and Cultural Origin,

then analyzes Bunin's three works which has distinct difference between writing time and literary style and theme – man and nature («Falling Leaves»), man and history («Village»), man and being («The Life of Arsenyev»). The results of this analysis show man and nature is thoroughly interfused in Bunin's distinctive artistry paradigm. Bunin's views of nature reflects not only the unique world outlook of Russian nation, but also reveals the nature of being and existence.

Key words: Bunin, man and nature, «Falling Leaves», «Village», «The Life of Arsenyev», artistic paradigm.

Статья поступила в редколлегию
08. 02. 2016 г.

УДК 821.161.2-32.09

Олеся Калинюшко

Мандри як еміграція: літературний персонаж у пошуках самоідентичності (збірка оповідань Василя Махна «Дім у Бейтінг Голлов»)

У статті окреслено взаємозв'язки між мандрями й еміграцією як способами конструювання самоідентичності героя в збірці короткої прози В. Махна «Дім у Бейтінг Голлов». Виокремлено два відмінні прочитання поняття *еміграція* як процесу пошуку дому посередництвом ідентифікації з новим простором і як акту переїзду, суголосного з мандрюванням, що не призводить до втрати національної належності. Закцентовано на функціонуванні героя – внутрішнього емігранта, який мимоволі опиняється відчуженим від звичної для нього дійсності.

Ключові слова: Василь Махно, «Дім у Бейтінг Голлов», мандри, еміграція, самоідентичність.

Постановка наукової проблеми та її значення. Традиційно поняття *еміграція* й *подорож* визначають як такі, що виявляють різнорівневу семантику. Обидва процеси позначають переміщення суб'єкта в просторі, проте мотивація та причини, які спонукають до руху емігранта й мандрівника, різняться. М. Слюсаревський та О. Блинова зазначають, що головна специфіка міграції – «намір індивіда змінити місце проживання, влаштуватися на новому місці» [10, с. 32], еміграцію звичайно тлумачать як «вимушене переселення, вигнання» [2, с. 52]. Дім же для мандрівника слугує призвою, крізь яку він пізнає світ і забезпечує цілісність своєї ідентичності.

У постмодерну добу смислові зв'язки між поняттями *мандри* й *еміграція* дещо ускладнилися. Задаючись питанням, що являє собою «нова еміграція», Ю. Барабаш наголошує, що «немає еміграції, нехай і “нової”» [1, с. 300], адже «немає політичного імперативу, який визначав би наперед очевидну неможливість повернення» [1, с. 300]. На думку дослідника, сучасні українські письменники, які живуть і працюють за кордоном, не є емігрантами, оскільки «сама ідея повернення як така не ставиться під сумнів, вона живе “за умовчанням” у свідомості або принаймні в несвідомості...» [1, с. 300]. Емігрант у демократичних країнах на початку ХХІ ст. втрачає свої конститутивні ознаки, заміщуючись фігурою експатріанта. «Експатріант – це людина, яка добровільно покинула рідний дім», – пише Л. Бугаєва [2, с. 54]. Отже, фігура подорожанина вже не протиставляється постмодерній іпостасі емігранта: переселенець уже не так гостро переживає розрив із домом, оскільки, як і мандрівник, завжди пам'ятає про можливість повернення. Сучасний мандрівник зближується з емігрантом, утрачаючи міцні зв'язки з домом та подеколи перетворюючись на громадянина світу або номада, який «втілює безкінечні переміщення, перманентну відірваність від місця і бездомність, відчуженість від будь-якого просторового локусу» [2, с. 54].

Письменники-емігранти гостро відчувають розлуку з батьківщиною, що спонукає їх до рефлексій та відтворення нелегкої долі мігранта у своїх творах. Незважаючи на те, що сучасний емігрант фактично перестає ним бути, мотиви розлуки з рідним краєм та втрати дому постають провідними в його творчості. Зокрема, зображення труднощів із життя емігрантів віднаходимо в збірці оповідань «Дім у Бейтінг Голлов» Василя Махна – українського письменника, який уже понад п'ятнадцять років проживає в Америці.